ПАВЕЛ МАЖАРОВ

ВОСПИТАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЯ

Иван Ильич Трегубов, конюх второй бригады, вышел из школы в дрянном настроении.

Дня три тому назад он получил записочку, в которой ему предлагали явиться в школу на заседание родительского комитета.

Трегубов прочел ее, повертел в руках и передал жене:

— Опять в школу вызывают, наверное из-за Сережки. Сходи сама, скажешь — мне некогда.

Жена Ивана Ильича, уже не раз навещавшая школу из-за сына, сейчас коротко произнесла:

— Тебя вызывают, ты и иди.

По тону жены муж понял — спорить бесполезно и, одевшись в новую стеганку, направился в школу.

Из директорского кабинета вышла женщина, видимо тоже вызванная по такому же делу, и техничка, сидевшая под часами, кивнула ему головой, давая понять — теперь и ему войти можно. Конюх, и без того не отличавшийся стройностью и ростом, сгорбился в ожидании неизвестного и, постучась, взялся за ручку.

Родительский комитет состоял из четырех человек: директора школы, учительницы Надежды Марковны, колхозной кассирши и доярки Дарьи, молодой, круглолицей женщины.

Вначале с ним беседовали директор и учительница. Расспрашивали о работе Ивана Ильича, как учит сын уроки, как помогает ему Иван Ильич? Беседа велась в очень вежливой, можно сказать, деликатной форме. Трегубову это понравилось, и он уже начал жалеть, что всегда отказывался от посещения школы по такому поводу.

Но тут заговорила Дарья. Она без всяких обиняков резанула ему в глаза всю правду-матку. Напомнила о том, что Иван Ильич махнул на сына рукой, что сам он целыми днями, если нет работы, дуется в подкидного, что все домашнее хозяйство он свалил на жену, а сам пальцем о палец не ударит. И пошла, и пошла строчить.

Попробовал было конюх возразить, но Дарья разошлась пуще прежнего. Когда же кончила, он вместо того чтобы оправдываться, только вытер пот со лба и, ссутулившись, слегка шмыгнул носом, точно мальчишка, получивший нагоняй за проказы.

В конце беседы сообща решили, что Надежда Марковна усилит контроль за Сережей в школе, а Трегубов — дома.

Когда Иван Ильич уходил, Надежда Марковна пообещала в скором времени навестить сына на дому и полушутя добавила: — И вас проверю, как вы там его контролируете.

И вот теперь, пробираясь по заснеженной, темной улице, конюх пытался осмыслить создавшееся положение или, как он выражался в таких случаях, «куда править вожжой».

«Конечно, если сын плохо учится, озорничает — нашего брата шевелить надо, потому что для каждого человека необходим толкач. Провинился,— скажи, надо поругать,— поругай, мы не обидимся, все пойдет на пользу. Но вот, спрашивается, зачем в комитете сидит Дарья? На кой черт она там нужна? Размахалась кулачищами, того и гляди по лицу съездит! Место ей с директором сидеть? Чего она в таких делах смыслит? Да ничегошеньки! А туда же: — «Иван Ильич не смотрит за сыном, Иван Ильич играет в подкидного!» Во-первых, это дело семейное, а в семейные дела не каждый и всякий имеет право вмешиваться. Во-вторых, кому какое дело, чем я занимаюсь? Не ворую же, не пьянствую!»

Когда конюх возвратился домой, Сережка уже спал. Жена собиралась ложиться. Иван Ильич не спеша, подчеркивая важность совершенного им

дела, снял шапку и стеганку, отряхнул осевший на них снег, повесил у двери и сел на табурет.

Анастасия Петровна спросила, что и как?

Но муж, видимо, выдерживал для серьезного разговора соответствующую паузу и не отвечал.

— Ну чего молчишь? Рассказывай,— присаживаясь напротив мужа, начала сердиться жена.

— Там разговор короткий,— и показал пальцем на спящего сына:— Смотреть надо за ним. Плохо учится, озорует. С завтрашнего дня Сережку ни на шаг со двора, а если что — говори мне, я ему такую улицу задам...

— Пора бы уж,— усмехнулась Анастасия Петровна,— тебе самому за ум взяться. Так что ж, на этом весь разговор кончился? Больше ни о чем не говорили? — допытывалась жена.

Иван Ильич сердито насупился и пробурчал: — Если в другой раз пришлют записочку, так ты сама сходи, вот и узнаешь, о чем там еще говорят.

На другой день после обеда, когда все ездовые разъехались, Иван Ильич быстро справился со своими делами и, помня школьный разговор, собрался домой посмотреть, как готовит сын уроки.

Однако почти в самую последнюю минуту, когда Трегубов договаривался с напарником о подмене, в конюшню вошел бригадный водовоз, первейший друг Трегубова, Федот Федорович Корнеев.

Он поздоровался, хлопнул Ивана Ильича по плечу:

— Ты это куда собрался?

— Да вот домой.

— К черту домой! Пошли ко мне.

Лицо Корнеева, всегда покрытое рыжей щетиной, сегодня было выбрито и сам он весь так сиял, точно собирался праздновать Первое мая. Трегубов отрицательно покачал головой и, объяснив все, спросил:

— По случаю чего это ты успел хватануть?

Федот Федорович, от которого обычно трудно было добиться слова, сейчас охотно пустился в объяснения.

— Эге, тут, брат, дела-а! Сын Андрей приехал из армии на побывку. Он ведь у меня танкист. И вот, понимаешь: стрелял мой Андрей из пушки на учениях, ну и, значит, кэ-эк ахнул, так и снес деревянный макет.

— С одного маху? — удивился конюх.

— С разъединого! Начальство не верит, не может, говорит, быть. А он, Андрей-то, в другой раз, да в третий — хлоп-хлоп и нет мишени. Весь фанерный городок снес начисто. Ну, тут, конечно, награда — отпуск. Во-о, брат, дела какие, а ты «некогда, некогда». Кончай разговор и пошли.

«А ведь в самом-то деле,— подумал Трегубов,— почему бы уважение человеку не оказать, не пойти к нему на часок. Ведь в отпуск из армии не каждый-то день знакомые хлопцы приходят. А собственным сыном с завтрашнего дня займусь. Какая разница — днем раньше или днем позже?»

Домой Иван Ильич возвратился поздно. Дверь на крючке. Темные окна смотрели на него осуждающе-грустно.

Он достал из-под застрехи припасенный для такого случая кусок проволоки, просунул ее в дверную щель и откинул крючок.

В комнату вошел на цыпочках, бесшумно разделся.

«Спасибо, что уснула,— подумал он о жене, ложась в постель,— а не то ругани — целый воз». Но тут Иван Ильич услышал глубокий укоризненный вздох. Супруга не спала.

Муж на минуту затаил дыхание:

«Ну, сейчас начнет»... — подумал он, ожидая заслуженных упреков и за выпивку, и за Сережу, оставшегося снова без его надзора. Но на этот раз он их не услышал.

Как ни крепко спал ночью конюх, однако проснулся утром раньше обычного. Чтобы хоть немного загладить вчерашнюю вину, он (что случалось с ним очень редко) до ухода в бригаду принес кизяков, наколол щепок на

разжижку и даже успел расчистить засыпанную снегом дорожку к сараю. И только после этого присел за стол.

Голову сильно ломило, но о похмелье и думать не мог. Достал кувшин с помидорным квасом, поднес ко рту и поставил на стол порожним.

К этому времени проснулась жена. Она взглянула на приготовленные у печки щепки и не сказала ни слова. Более того, на ее лице Иван Ильич мог прочесть: «Ну, что ж тут удивительного, прямая твоя обязанность».

Конюх молча взял шапку и отправился на колхозный двор.

«Не-ет,— решил он про себя,— с этого дня — крышка, надо взять себя в руки, дальше так нельзя».

Как-то после уборки, когда Трегубов собрался идти в кухоньку, где шла азартная игра в шашки двух бригадных чемпионов, один из болельщиков, случайно выглянув на улицу, обронил:

— Учительница к кому-то пошла...

«Уж не Надежда ли Марковна?— всполошился Иван Ильич и торопливо выбежал за угол конюшни. По походке и серому воротнику он угадал классную руководительницу.

«К нам!» — промелькнуло у Трегубова.— Ведь обещалась же зайти и узнать, как сын дома занимается, а его, наверное, мерзавца, и собаками не сыщешь. Небось, опять на горке с санками. Мать честная, а я ведь обещал и распорядок дня написать, и следить... Как теперь быть? Совсем домой не пойти? Нехорошо.— Эх, если бы сегодня как-нибудь... прошло, уж тогда бы... тогда бы я взялся».

Трегубов и сам не понимал, за что бы он взялся,— то ли за сына, то ли за себя.

А серый воротник все приближался и приближался к дому конюха.

Кто-то из кухоньки крикнул:

— Иван Ильич! Твоя очередь.

Но он ничего не ответил и, опустив понуро голову, через чужие огороды, по сугробам побрел на горку, где обычно с санками пропадал Сережка.

Когда он с сыном явился домой, жена сказала:

— Учительница приходила.

— Знаю, — нахмурился он, усаживая сына за книги.

Прошло недели две... Иван Ильич ежедневно находил время, чтобы присматривать за сыном. Да и сам Сережа втянулся в работу, часто без напоминания садился за учебники. Все, казалось, наладилось. В дневнике Сергея появились тройки, даже начали попадаться четверки. Но однажды Иван Ильич увидел, как Сережа, выполняя урок, заплакал. Отец удивился, потому что сын был не из слезливых.

— Ты чего? — спросил он. Тот вытер слезы.

— Задача не выходит. Я ее нынче на контрольной не решил, двойка будет, и вот опять не получается.

— Ну что ж, пойдешь завтра в школу, спросишь Надежду Марковну, она расскажет.

Сережа помолчал немного и еще тише проговорил:

— Мне уже спрашивать совестно, больше всех спрашиваю.

«Плохо дело,— подумал Иван Ильич. — По другому предмету двойка — беда небольшая, поднажал как следует, вот тебе и четверка, а то, гляди, и пятерка, а арифметика...»

Конюх вспомнил о своей учебе и тяжело вздохнул. Он не мог себе представить другой науки более «заковыристой», чем арифметика. Ведь из-за этой самой арифметики Трегубову не удалось окончить даже третьего класса.

В комнату вошла Анастасия Петровна.

— Ну, что, не получается? — спросила она сына.

Тот опустил голову.

— Пошел бы погулял. Давно ведь сидишь, голова, наверное, заболела.

— Правильно, — поддержал отец,— проветрись маленько.

В это время за окном раздался свист.

— Сережа-а!

Иван Ильич вышел на улицу. У ворот стоял Козьмин Лешка, дружок сына.

— Ты чего?

— Сережа дома? — спросил тот.— Мы с ним договорились идти в кузню к дяде Егору, коньки поправлять.

В руках у Леньки, точно рыба на кукане, болталась связка коньков.

— Сережа с тобой идти не может. У него не получается задача,— сказал отец.— Да ты-то сам решил ее?

— Ага,— не без гордости сказал Лешка.

— Так пойди помоги дружку.

— Да я, дядя, после, а то кузнецы разойдутся.

— В кузню я сам схожу.

Он забрал у Леньки коньки и направился к кузне.

Когда Трегубов возвратился, ребят дома он не застал.

— На горку ушли, с санками,— сказала жена.— Решили задачу и ушли. Сережа почти все сам сделал, — добавила она. Хорошее настроение жены передалось Ивану Ильичу. У него тут же созрел небольшой план того, как должен его сын готовиться к урокам.

Ребята пришли поздно. Осмотрели коньки, поблагодарили Ивана Ильича. А когда Лешка собрался домой, Трегубов задержал его.

— Слушайте, хлопцы.— А что, если вы вместе будете учить уроки?

Те переглянулись.

— Собирались бы, к примеру, у нас, и никто бы вам не мешал, комната отдельная.

Лешка немного подумал:

— Я что, я согласен, только вы скажите маме, а то она ругаться начнет. Скажет — убегаешь со двора, чтоб от книжек отлынивать.

В этот же вечер Трегубов побывал у Козьминых. Договорились быстро.

Как-то Трегубов, неся воду, оглянулся — Дарья.

— Здравствуй, Иван Ильич! — услышал он за спиной.

— Вот как — даже воду стал носить? — при этих словах в глазах ее блеснули лукавые искорки. Подействовало? — Она намекала на разговор в школе.

От накипающей досады конюх сразу не нашелся, что ответить. Наконец сказал со злостью:

— Кабы ты не была бабой, я бы тебе сказал! — и пошел своей дорогой.

«Вот змея подколодная: так и норовит своим жалом кольнуть твое самолюбие,— размышлял обиженно Иван Ильич. На родительском комитете просто опозорила перед всеми и еще хихикает. Да и канитель-то всю эту, наверное, Дарья затеяла. Ведь ей меду не надо,— только бы покритиковать. Хотя... Хотя, в общем-то, без злого, конечно, умысла она язвит,— воровато мелькнула мысль в его сознании. Ну, да ладно,— успокоил он себя,— переживем!».

Для разрядки он было хотел отчитать жену, догадавшись, что она тоже, видимо, в «заговоре» с этой чертовкой, Дарьей. С тем и вошел насупленный в избу. Но навстречу ему, поднявшись из-за стола, вышла жена.

— Ну-ка, Ваня, погляди сюда, — сказала она, не скрывая радости.— В тетрадь смотри! А? Видишь — пятерка по арифметике!

Иван Ильич не сразу как-то осознал значимость события.

— По арифметике?!

Трегубов взял тетрадь, поднес ближе к глазам, потом удалил ее от себя на вытянутую руку.

— Очки,— затребовал он.

Но догадливая жена уже их подавала.

— Да ты не торопись, Ваня. Тот ничего не ответил и подошел к окну.

В тетради аккуратно под контрольной работой красными чернилами была выведена пятерка.

«Вот она! По арифметике!» — обрадовался он. И вспомнились ему все перенесенные за последний месяц переживания и беспокойства.

Трегубов посмотрел в начало страницы, где начиналась запись задачи, и начал читать ее условие.

Вначале он читал тихо, почти про

себя, еле шевеля губами, потом громче, налегая на ударения в конце слов:

— Лихо же, чертенок, справился! — удовлетворенно заключил Иван Ильич, закончив чтение.

Давно уже супруги не беседовали так мирно, как в этот вечер. Сережа еще с улицы не пришел. В комнате сияла лампочка, беседа как журчащий ручеек, бежала да бежала.

— Я так думаю, Настенька, если сын по арифметике на пятерки сумеет учиться, так по остальным и подавно сможет.

— Конечно, конечно,— согласилась жена, работая вязальными спицами,— что тут говорить.

— А если так, то он и отличником сможет стать.

— А как же, сможет.

— Вот это было бы да-а! — восторженно сказал Иван Ильич,— вот это вещь! Надо обязательно потолковать с Надеждой Марковной.

На время Иван Ильич совершенно забыл о встрече с Дарьей. Но когда все вроде бы о сыне было переговорено, он вспомнил:

—А послушай-ка, голубушка, откуда Дарья знает про наши семейные дела?

— Про какие дела?

— А про такие: я такой-сякой — не смотрю за сыном, ничего дома не делаю... Словом, я здесь не хозяин, а вроде бы — гость или нахлебник.

— Я рассказала.

— Мо-ло-дец, — с ехидцей протянул муж. — А родительскому комитету как об этом стало известно?

— Тоже я рассказала.

— Ты? — уже повышая тон, не без удивления спросил муж.— Так почему же я до сих пор ничего не знал, почему?

— Ты меня об этом не спрашивал. Да и зачем было тебе знать?

Трегубову хотелось громко крикнуть, стукнуть кулаком по столу, но ему неожиданно пришла в голову мысль: «А что возразить? Она-то права!» И все-таки он с деланным укором заявил:

— Тоже мне — умники! Воспитатели! Шуму только наделали и воображают, что мне нос утерли. Думаю вот! Я и сам не пень придорожный — соображаю, что к чему.

Анастасия Петровна покосилась на него веселыми глазами:

— Да кто ж по-другому думает? Чего ты кипятишься?